

ЕЩЁ РАЗ О ПОСМЕРТНОЙ МАСКЕ А.С. ПУШКИНА

Алла Георгиевна Прокофьева родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Профессор, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка», региональной премии имени П.И. Рычкова, губернаторской премии «Оренбургская лира», премии губернатора Свердловской области, премии альманаха «Гостиный Двор» имени В. Правдухина, финалист (в соавторстве с В.Ю. Прокофьевой) Международной книжной ярмарки 2019 г. (Москва). Живёт в Оренбурге.

Информация о посмертных масках А.С. Пушкина появилась в печати спустя много лет после гибели поэта, когда какие-то детали тех трагических дней были уже забыты.

Известно по письму П.А. Плетнёва к В.Г. Теплякову, что изготовление посмертной маски, гипсового слепка с лица умершего А.С. Пушкина, было проведено в день его смерти под наблюдением скульптора Самуила Гальберга: «Перед тою минутою, как ему глаза надобно было навеки закрыть, я поспел к нему. Тут был и Жуковский с Михаилом Виельгорским, Даль... и ещё не помню кто. Такой мирной кончины я вообразить не умел прежде. Тотчас отправился я к Гальбергу. С покойника сняли маску, по которой приготовили теперь прекрасный бюст» [1].

Помогал Гальбергу в изготовлении маски формовщик-литейщик Полиевкт Балин, о чём сохранились воспоминания Марии

Каменской, дочери вице-президента Академии художеств графа Фёдора Петровича Толстого.

Впоследствии С.Л. Пушкину В.А. Жуковский написал, что он, к счастью, вовремя вспомнил, что надобно снять маску с умершего поэта и что это было исполнено немедленно — черты ещё не успели измениться: «...мы имеем отпечаток привлекательный, изображающий не смерть, а тихий, величественный сон» [2].

О количестве изготовленных масок можно судить по письму Н.И. Любимова к М.П. Погодину от 22 февраля 1837 г.: «Я хлопочу, чтобы достать его, Пушкина, слепок, что довольно трудно, ибо заказано было не более 15-ти Жуковским и уже все розданы им» [3].

Много лет спустя исследователями составлялись примерные списки тех, у кого были эти маски: отец поэта С.Л. Пушкин, В.А. Жуковский, П.В. Нащокин, Е.А. Баратынский, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв, К.К. Данзас (он потом передал племяннице Т. Семечкиной 2 маски), П.А. Осипова (2), графиня Екатерина Тизенгаузен (дочь Елизаветы Хитрово, внучка Кутузова), В.П. Горчаков, друг Пушкина по Кшинёву, Н.И. Любимов, барон М.Н. Сердобин.

В настоящее время известно местонахождение четырёх масок Пушкина: во Всесоюзном музее Пушкина находятся маска, переданная из парижского музея

Александра Онегина (она была ранее подарена коллекционеру Онегину сыном Жуковского), и маска Екатерины Тизенгаузен. В библиотеке Тартуского университета хранится маска, поступившая от Прасковьи Осиповой. Четвёртая маска принадлежит Оренбургу.

Наибольшую ценность представляют маски первого отлива, изготовленные непосредственно с отпечатка лица поэта в гипсе. Именно к этому ряду масок относится оренбургский экземпляр, украсивший бы литературный музей любого города России, но такого музея в Оренбурге, к сожалению, нет. Возможно, поэтому в Оренбурге бытует так много непроверенных литературных историй, мифов. Одним из таких мифов является повторяемая многими версия о том, что маску Пушкина в Оренбург привёз Владимир Даль (и даже якобы из Луганска?!) и даже якобы продал её, но вряд ли это было так.

Известно, что первым о возможной принадлежности оренбургского экземпляра посмертной маски поэта Владимиру Далю написал Дмитрий Соколов (1867—1919) — геолог, натуралист, краевед, автор книги «Пушкин в Оренбурге» (Петроград, 1916), содержащей интересный материал о пребывании поэта в Оренбурге, но не свободной от субъективных оценок, в частности почему-то от недоброжелательного отношения к Владимиру Далю,

что отмечено в 1946 году Н.А. Мещерским, доктором филологических наук, профессором Ленинградского университета (в 1946 году ещё кандидата), в его рецензии на книгу Н.Е. Прянишникова «Писатели-классики в Оренбургском крае». Н.А. Мещерский, критикуя Прянишникову за использование сведений, почерпнутых Д. Соколовым у Н. Иванова, — «недостовверный источник», подчёркивает, что Д. Соколов «решается даже на то, чтобы дискредитировать воспоминания Даля» [4].

Дмитрий Соколов в 1896 году напечатал в «Историческом вестнике» небольшую статью «Маска Пушкина», подписав её *Д. С-в*, в которой утверждал, что ему принадлежит маска Пушкина, приобретённая его дедом, умершим в 1845 г. В 1899 году Д.Н. Соколов передал посмертную маску А.С. Пушкина в музей Оренбургской учёной архивной комиссии.

Кстати, у некоторых исследователей сложилось мнение, что Соколов — родственник Даля (вторая жена Даля была Екатерина Соколова). Так в работе Людмилы Февчук «Первые скульптурные изображения Пушкина. Посмертная маска Пушкина» (книга «Пушкин и его время», Л., 1962), наиболее полно освещающей проблему о масках Пушкина, сказано: «...в Оренбургском областном краеведческом музее находится маска

Пушкина, по преданию, принадлежавшая В.И. Далю. Она была передана в 1899 г. членом Оренбургской учёной архивной комиссии Д.Н. Соколовым в музей комиссии..., а затем (после 1917 г.) перешла в фонды Оренбургского областного музея. Родственники Д.Н. Соколова были родственниками второй жены В.И. Даля — Екатерины Львовны Соколовой» [5].

В статье Г. Журавлёва и С. Попова «Маска Пушкина в Оренбургском музее» [6] на основе архивных данных рассмотрены возможности родственных связей Даля и Соколовых, но точного ответа опять-таки нет, ибо семей дворян Соколовых было несколько, а дед Дмитрия Соколова, как выяснилось, получил право на дворянство лишь в 1836 г. Скорее всего, Соколовы были просто однофамильцами.

Следует отметить, что сам Даль ни в одном из своих воспоминаний не пишет о посмертной маске поэта, хотя обо всех вещах, связанных с Пушкиным (перстне-талисмани, подаренном вдовой Пушкина, сюртуке поэта, отданном ему Жуковским), рассказывает подробно.

С. Попов и Г. Журавлёв также отмечают «странное и непонятное отсутствие упоминания» о маске в воспоминаниях самого Даля и считают, что, возможно, он «уступил И.А. Соколову, человеку состоятельному, владельцу имения, маску Пушкина». Но

напрашивается сомнение, так ли уж нуждался Даль перед отъездом из Оренбурга в Петербург, чтобы продавать маску Пушкина, ведь он ехал на службу к брату Василия Алексеевича Перовского Льву Перовскому, министру внутренних дел, который, очевидно, материально обеспечил переезд своего будущего чиновника.

Кроме того, известно, как серьёзно относился Владимир Даль к сохранению памятных вещей поэта: «Сюртук этот должно бы сберечь для потомства; не знаю ещё, как это сделать, в частных руках он легко может затеряться, а у нас некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохранение» [7]. Вряд ли В.И. Даль при его бережном отношении ко всему, что связано с Пушкиным, не упомянул бы о посмертной маске, если бы она была у него.

На наш взгляд, В.А. Жуковский, который занимался посмертными масками поэта, скорее всего, отдал одну из них (из первых, самых лучших) своему закадычному другу оренбургскому губернатору Василию Перовскому, дружба с которым продолжалась до самой смерти Жуковского, а не его чиновнику В. Далю.

О дуэли и ранении Пушкина Даль, приехавший в Петербург с Перовским по делам, узнал случайно и был у постели умирающего Пушкина скорее как врач.

Василий Перовский же относился к ближайшим друзьям семьи Пушкиных. Известно, что вечер перед дуэлью Пушкина Василий Перовский и Михаил Вильегорский провели у Веры Вяземской в ожидании Петра Вяземского, пытаясь что-то предпринять для предотвращения дуэли (об этом пишет П.Е. Щёголев в работе «Дуэль и смерть Пушкина»).

В пользу версии о том, что маска Пушкина была привезена в Оренбург Василием Перовским, свидетельствует и то обстоятельство, что В. Перовский собирал коллекцию посмертных масок знаменитых людей, — этот факт доказан архивными изысканиями исследователя-краеведа Г.П. Матвиевской [8] (см. её статью «В.А. Перовский и Джеймс Аббот: встреча в Оренбурге»), — о чём Жуковский, конечно же, знал, а может, и видел коллекцию, когда навестил друга в Оренбурге летом 1837 года, сопровождая царского наследника.

В 1857 году В.А. Перовский по болезни вынужден был отказаться от должности оренбургского губернатора и уехал умирать в Крым, и что стало с его коллекцией, неизвестно. Но в Оренбурге оставался женатый сын В.А. Перовского, что позволяет делать различные предположения, основания для которых дают факты, приводимые в протоколах Оренбургской учёной архивной комиссии. Так в выпуске № 19 «Трудов»

ОУАК сообщается о «ценном поступлении в музей» — походном столике В.А. Перовского от Н.А. Рогожиной (по семейному преданию, столик был с Перовским в Ак-Мечетском походе). В этом же выпуске в протоколе № 4 от 27/03—1908 г. сообщается: «М.Я. Божуков заявил, что у Рогожиной имеются материалы о походах В. Перовского и некоторые реликвии (по первому мужу

Перовской, супруги Алексея Васильевича, сына В.А. Перовского)» [9].

Не у этой ли Рогожиной (Перовской) приобрёл посмертную маску Пушкина Д. Соколов, так и не объяснивший членам ОУАК, откуда она у него, а в работе «Пушкин в Оренбурге», вышедшей в годы закрытия ОУАК, написавший, что маска приобретена у В. Даля?

Примечания

1. «Исторический вестник», 1887, т. 29, с. 21. Письмо от 29 мая 1837 г.
2. Жуковский В.А. Письмо к С.Л. Пушкину // Щёголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. — М., 1987. — С. 170.
3. «Литературное наследство», № 16-18, М., 1934. С. 718.
4. См. «Чкаловскую коммуну», 1946, 22.12; № 253.
5. Февчук Л.П. Первые скульптурные изображения Пушкина. Посмертная маска Пушкина // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. I. — Л., 1962. — С. 397.
6. Журавлёв Г., Попов С. Маска Пушкина в Оренбургском музее // «Урал», 1971, № 2.
7. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. — М., 1985. — С. 263.
8. Матвиевская Г.П. В.А. Перовский и Джеймс Аббот: встреча в Оренбурге // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 4. — Оренбург, 2008.
9. Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. № 19. — Оренбург, 1909. — С. 8-9; 48.